СКАЗКИ ВЕРЫ ЛАВРИНОЙ

ТРЕПЯСТОК

ТРЕПЯСТОК

СКАЗКИ ВЕРЫ ЛАВРИНОЙ

ХУДОЖНИК
ОЛЬГА ПОМЫТКИНА

Книга сказок детской писательницы Веры Лавриной написана в духе лучших народных традиций. Герои увлекательных и жизнерадостных сюжетов — простодушные, обаятельные, порой незадачливые. Язык сказок насыщен весёлыми поговорками и шутками. Иллюстрации выполнила известная художница Ольга Помыткина. Книга предназначена для детей младшего школьного возраста и для семейного чтения.

КУМЕКА

За рекой Глухарной, в слободе гончарной, стояла изба ладная да нарядная. Жил в ней со своей старухой славный гончар Кумека. Жили они поживали, кашу варили, маслом добри́ли, хлебом заедали, молоком запивали. Ума у Кумеки было по самую макушечку. За советом к нему шли и в спорах за ним посылали. Он так спор рассудит, что и супротив ничего не скажешь. Вот и прозвали его Кумекой.

Случился как-то в слободе пожар. Сгорела Кумекина изба дотла. Сидят они на пепелище, горюют: на старости лет без крова остались.

Кумекова старуха плачет:

— Дед, что делать будем?

— Да что делать? Ничего у нас не осталось, кроме моего ума, пойду его продам, купим себе новую избу.

Кумекова старуха думает: видно, дед с горя из ума выжил — и спрашивает:

— Как это можно ум продать? Ты ж его из головы-то не достанешь, в горшок не засунешь.

Кумека тут как хлопнет себя ладошкой по головёшке:

— Всякий умок, — говорит, — положим в горшок!

Старуха и вовсе испугалась: неладное что-то с Кумекой. Ничего не стала у него спрашивать.

А Кумека замесил глину, разделил её на три части. В одну часть намешал камешки плоские, в другую — колючки сухие, в третью — стекло битое. Налепил из глины горшков разных — высоких, глубоких, широких и узких. А на дно каждого горшка положил маковую головку и сверху глиной замазал. Высушил горшки и говорит:

— У каждого человечка есть для ума местечко, да не каждому туда положено. Посмотрим, приглядимся, на что мы годимся.

Собрал горшки и пошёл с ними на базар.

На базаре подходит к нему купец:

— Чем торгуешь, мил человек?

— Ум продаю.

— А где он, ум?

— А вот, в горшках.

Заглянул купец в горшки:

— Горшки-то у тебя пустые.

— Ум, — говорит Кумека, — штука невидимая, но узнать про него можно. Ум ума почитает. Ты, купец, возьми горшок, тряхни его хорошенько. Коли у тебя свой ум есть, услышишь, как разум в горшке шебаршится, твой ум приветствует.

Тряхнул купец горшком, мак в маковой головке зашуршал — купец услышал, как разум в горшке шебаршится, его ум приветствует, — доволен остался.

А Кумека говорит купцу:

— Слышу я, что голова у тебя полна умом, как амбар зерном. Только твоему, купец, уму хитринки малость не хватает, а купеческому уму хитринка — что ватрушке изюминка. Есть у меня ум с хитринкой.

Достал Кумека горшок, в котором камешки были намешаны, подаёт купцу:

— Смотри, как хитринки в нём выпирают. Горшок этот каждую ночь ставь в головах — ум ума найдёт.

Купец про себя думает: «Может, оно и не так, а вдруг эдак? Всё же нелишним будет ума прикупить».

Дал он Кумеке за ум с хитринкой хорошую цену и ушёл довольный.

Подходит к Кумеке воевода:

— Чем, дед, торгуешь?

— Ум продаю.

— А чем докажешь, что у тебя в горшках ум?

— Ум ума почитает. Вы, ваша милость, горшком тряхните: если свой ум имеется, услышите, как разум в горшке шебаршится, ваш ум приветствует.

Воевода тряхнул горшком, мак в маковой головке зашуршал — воевода услышал, как разум в горшке шебаршится, его ум приветствует, — доволен остался, что ум его признали.

— Слышу я, — говорит Кумека, — что ума у вас богато — гумно и палата, да только малость остроты уму не хватает. Воеводе острый ум — что куме кум. Есть у меня как раз такой.

Достаёт Кумека горшок, в котором колючки сухие намешаны:

— Вот здесь, — говорит, — самый тот ум и есть: острым наружу лезет. Каждую ночь в головах ставьте — ум ума найдёт. У меня сейчас купец горшок ума купил, хорошо заплатил.

«Купец плохого не купит, — думает про себя воевода, — прикуплю и я себе ума».

Дал воевода добрую цену за острый ум и ушёл довольный.

Подъезжает к Кумеке царь со своими боярами:

— Чем торгуешь?

— Ум продаю.

Царь нахмурился грозно:

— Ах ты, такой-сякой, плут дрянной! Почему добрых людей дурачишь? Где это видано, чтобы ум продавали?

— Никак не дурачу, царь-батюшка, — говорит Кумека, — у меня и купец ум купил, и воевода ваш отоварился.

А кругом уже народ собрался. Кумеке поддакивают, мол, покупали, царь-батюшка. Царь осёкся:

— А чем докажешь, что в горшках у тебя ум?

— Ум ума почитает, — отвечает Кумека. — Вы, царь-батюшка, горшком тряхните: если свой ум имеется, услышите, как в горшке разум шебаршится, ваш ум приветствует.

Царю отступать некуда. Тряхнул он горшком, мак в маковой головке зашуршал — царь услышал, как в горшке разум шебаршится, царский ум приветствует. Царь дух перевёл, весел стал.

— Слышу я, — говорит Кумека, — что ума у вас, царь-батюшка, тьма, всё царство покрыть хватит. Да малость ему глубины не хватает и блеска

недостаёт. А царю глубина и блеск ума — будто нищему сума. У меня как раз такой ум имеется.

Кумека самый длинный горшок достаёт, в котором битое стекло намешано, и говорит:

— Блеск ума через стенки бьёт, глубина до дна достаёт. Каждую ночь ставьте, царь-батюшка, горшок этот в головах — ум ума найдёт.

Царь не поскупился, хорошую цену дал за глубокий ум с блеском. А тут и царским вельможам да боярам захотелось ума прикупить. Обступили они Кумеку и давай ум у него раскупать. Кумека всякому боярину ум по надобности продаёт — кому с хитринкой, кому со смешинкой, кому долгий, а кому колкий. Некоторые по два горшка брали.

Распродал Кумека ум, пришёл домой с богатой выручкой.

Купили они со старухой новую избу, такую же ладную да нарядную. С тех пор Кумека споры уж не рядил и суды не судил, советов не давал, ум свой никак не проявлял.

— Я, — говорит, — ум распродал, в голове легко да просторно.

А в государстве дела в гору пошли: царь врагов усмирил, границы укрепил, новых городов наставил, хозяйство поправил. Видно, Кумекин ум царю и боярам на пользу пошёл.

Худёнушка

Мудрые люди говорят: злые за счастьем рыщут, а оно добрых ищет. Так и случилось с одной сироткой. Была она худенькая, тоненькая, как тростиночка, взглянешь на неё — будто светится. Вот и прозвали её Худёнушкой.

Солнышко ещё и лучика не выпустит, а Худёнушка уже обута-одета: за водой сходит, скотинку напоит, в доме печь затопит, чугунки поставит, тесто заведёт. По избе не ходит — летает, половицей не скрипнет, ухватом не звякнет: боится мачеху разбудить. Родная матушка давным-давно умерла. Привёл отец в дом мачеху. Отец то на полях работает, то на заработки уедет, а мачеха в доме хозяйка. У неё свои дети были — сын Мамоня и дочь Хавроня. Падчерица — отсевок. Хавроне и Мамоне — ладушки да сладушки, а Худёнушке — оплеуха да затеруха. Взвалила на неё мачеха всю чёрную работу. На улице холод ли, жара, а у Худёнушки одна пора — мыть да варить, стирать да убирать. Работе конца-краю нет: то кудель прясти, то холсты ткать, то носки вязать. А мачеха ей пеняет, мол, ленива, нерадива, с утра до вечера погоняет.

Только в обиду и в неправду она это говорила: Худёнушка ловка была на работу. В избе всё от чистоты сияло. За домашней утварью ухаживала падчерица, как за дитём малым. Самовар до блеска натрёт, чугунки от копоти отчистит, полы выскоблит, печь выбелит, узорами распишет. Чуть где на утвари краска облупится — подкрасит, чуть что загрязнится — вымоет. Да ещё каждому горшку и сундуку ласковое слово подберёт, уважительно назовёт.

Станет пол мыть и приговаривает:

— Вот вам, половицы, чистая водица, вас намою, поскоблю, водицей сполосну.

Начнёт печь топить и шепчет ей:

— Топись-веселись, матушка печь. У тебя чугунки — крепки, у тебя бока — жарки. Ты любимица и кормилица.

Самовар возьмётся чистить — и ему скажет:

— Самоварушко-государушко, медью гори, чай вари.

А стол будет накрывать — и ему доброе словцо найдёт:

— Прими, братец стол, хлеб да соль, сладкую кашу — еду нашу.

Мачеха, бывало, спросит её:

— Что ты там бормочешь?

— Да я, — скажет Худёнушка, — печку прошу жарко гореть, избу греть.

— Ну и глупая ты. Может, ещё и величаешь её как?

— Величаю, матушкой печью называю.

— Дура ты дура, — расхохочется мачеха, — что и сказать ещё?

Мамоня ей подхихикивает:

— Попроси печку-то, чтоб приданое тебе справила.

— Ну да, головёшку большую и золу печную, — поддакнет Хаврония, — а то без приданого женихов не дождёшься. — И начнут они смеяться над сироткой.

Обидно станет Худёнушке, смахнёт она слезинку незаметно и за работу примется. А сама всё равно с утварью потихоньку шепчется. Чашечки у неё — милашечки, поставцы — молодцы, сундук — милый друг.

И утварь домашняя для Худёнушки как могла старалась. Печь жарко топилась, тепло крепко держала. И в печи каша не подгорала, молоко не убегало. Крынки и горшки никогда не бились, ножи не тупились. Дверь лишний раз не стукнет, половица не скрипнет. Пойдёт за водой Худёнушка — вода в вёдрах не плещется. А как выйдет на крыльцо — вся скотинка домашняя ей рада. Курочка Белянка так и порхнёт ей в руки, коза Лушка о подол трётся, пёс Вьюрок проходу не даёт, под ногами вьётся. Голуби с крыши слетят, на плечи и на косы ей рассядутся. Зайдёт Худёнушка на скотный двор — коровы и овечки копытами постукивают, хвостами помахивают, головами потряхивают. Кто «му-у-у», кто «бе-е-е», кто «кукареку» — каждый зовёт Худёнушку.

Выйдет добрая девица за ворота, пойдёт по улице — каждому встречному до земли поклонится, с каждым сердечно поздоровается. Люди не нахвалятся на неё. Только мачеха всё недовольна, ничем ей не угодить, от смирения и старания падчерицы ещё больше злится и бранится.

Одна отрада была у Худёнушки. Как управится она, сядет возле печи с куделью — нитка тянется-свивается, а печь гудит-потрескивает, и всё девушке в том гуденье понятно. То печь сказки ей рассказывает про заморские страны, про молодого царевича, то вспоминать начнёт про матушку сиротки. Ляжет Худёнушка спать, усталая, на рогожке возле печи, а печь ей слова ласковые нашёптывает. Слушает она сквозь дрёму, и так сладко сделается сиротке на душе, так покойно.

Потом Худёнушка и другую утварь понимать стала: что стол ей шепнёт, что сундук пробормочет, что чугунки звякнут и самовар пробулькает. Хвалили они Худёнушку, благодарили за добрый уход и заботу.

А мачеху досада брала: своя дочь непокладиста и неотрадиста, а чужая — всем на загляденье.

Случилось тут новое несчастье у бедной девушки— батюшка заболел. Похворал-похворал и умер. Осталась Худёнушка круглой сиротой. Некому за неё слово молвить. Решила мачеха сжить падчерицу со свету белого: дом-то и утварь в нём отцовы были, а значит, и Худёнушкины. А мачеху с детьми отец из избушки-завалюшки взял. Было у них добра чугун да два ведра, пара зипунов да три меры холстов. Думал, коли бедных приласкает, то и они к дочке с добром. А вышло всё не по задуманному.

Сговорились мачеха с Мамоней и Хавроней отвезти Худёнушку в дремучий лес и бросить её там.

Хавроня и говорит:

— Поедем, сестрица, в лес по грибы, Мамоня лошадку запряжёт, нас отвезёт.

Вот запряг Мамоня лошадку, и поехали они по грибы. За ними пёс Вьюрок увязался. Заехали в дремучий лес. Хавроня привязала незаметно нитку к телеге и пошла будто грибы собирать. С ней Худёнушка. Нитка разматывается, Хавроне обратный путь намечает.

— Не заблудимся ли мы, сестрица? — спрашивает Худёнушка. — Лес густой, далеко мы зашли.

— Не бойся, — говорит Хавроня, — я дорогу твёрдо помню.

Доверилась сиротка Хавроне, а та завела Худёнушку в глухую чащу, за деревьями и кустами схоронилась и по ниточке вернулась к Мамоне — бросила бедную девушку в дремучем лесу. Щёлкнул Мамоня кнутом, скрипнула телега — уехали Мамоня с Хавроней. А Худёнушка глядь-поглядь — нет рядом Хаврони. Звала она, кричала, аукала — никто не откликается. Только Вьюрок поскуливает, у ног вьётся. Поняла Худёнушка, что бросили её Мамоня и Хавроня в глухой чаще на верную гибель. Заплакала она горько: никакой вины за собой не знала, мачехе и детям её угождала, зачем сироту загубили?

Идёт она, слезами умывается, рукавом вытирается. Шла, шла и вышла на поляну. Стоит на поляне могучий дуб в семь обхватов, из-под корней журчит ручей Коренник. Напилась Худёнушка воды из ручья, умылась и прилегла отдохнуть под дубом. Тут, думает, и останусь, а там будь что будет. А Вьюрок скулит, тянет её за подол. Поняла она, что хочет он её домой отвести: собака-то всегда обратную дорогу найдёт.

— Нет, Вьюрочек, дорогой дружочек, — говорит Худёнушка, — не пойду я домой. Как вернусь туда, коли меня там со свету хотят сжить? Лучше уж здесь погибну. А ты, Вьюрок, беги домой, зачем тебе со мной пропадать?

Вьюрок поскулил-поскулил и убежал. Совсем одна осталась Худёнушка в тёмном лесу. Сердце её будто железом оковали, душу будто верёвками связали — так тяжело ей было.

Стало смеркаться. Меж деревьями чёрные тени легли, звери дикие из нор вышли. Страшно стало девушке. Вдруг слышит она — будто Вьюрок лает. Прислушалась — будто Белянка кудахчет, ещё прислушалась — Лушка мекает. Выбегает на полянку Вьюрок, а с ним курочка Белянка и коза Лушка.

— Мы, — говорят, — тебя не оставим, век с тобой жить будем.

Обрадовалась Худёнушка: теперь и лес не дремуч, и тьма не черна.

Белянка ей яичко снесла, Лушка молоком напоила. Одной рукой Худёнушка Лушку обняла, другой — Беляночку к груди прижала, Вьюрок в ногах устроился. Так и заснули.

Утром они ключевой водицы напились, умылись, пошли грибы, ягоды собирать, траву для Лушки рвать, для Белянки червячков искать. Вьюрок где мышку, где ящерку себе поймает — тем и сыт. Прошёл так день, другой, третий, неделя минула. Худёнушка с Вьюрком, курочкой Белянкой, козой Лушкой в дремучем лесу живёт, попрёков и ругани не слышит, дикие звери её не трогают.

А тем временем у мачехи в избе невиданное и неслыханное началось. Горевала каждая вещь о доброй падчерице, а мачехе и детям её не хотела служить. Да и было с чего: как Худёнушки в доме не стало, никто к тряпке не притронулся, веника в руки не взял. Пол затоптался так, что и не видно, каким он цветом, посуда закоптилась, печь почернела.

Ополчился весь дом против хозяев. Половицы скрипят и стонут под ногами. Дверь то ногу защемит, то сзади поддаст. Сядет мачеха на стул — он подломится. Полезет Хавроня в сундук — крышка ей на голову упадёт.

